

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. IX

СТРАНЫ И НАРОДЫ АФРИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1969

М. А. Толмачева

ВОСТОЧНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ АФРИКИ В АРАБСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В основном географическая литература арабов средневековья посвящена описанию стран, входивших в состав халифата, так же как и ближайших к нему сопредельных территорий. Другая, меньшая часть содержит сведения о тех странах и народах, с которыми арабские государства имели более или менее продолжительные торговые и культурные контакты. Эта часть арабской географической литературы, хотя и не всегда отличается должной достоверностью, обладает особой ценностью, так как на основании этих источников мы можем судить о широте географических представлений средневековых ученых мусульманского мира. Кроме того, эти источники дают нам наиболее ранние сведения географического, исторического и этнографического характера о странах и народах Азии и Африки, сообщения о которых в научной литературе на европейских языках появляются только со времени великих географических открытий.

Однако на пути исследования географической литературы арабов встречаются специфические трудности, из которых самой главной оказывается принадлежность этой литературы к культурному комплексу средневекового Востока. Практически это означает прежде всего настоятельную необходимость проникнуть в то содержание терминов, которое вкладывали в них ученые определенного культурного ареала с его специфическими представлениями, вызванными и уровнем социально-экономического развития и всем наследием предшествовавших мусульманскому периоду культурных традиций этого ареала. При этом нередко можно обнаружить неожиданную многослойность того или иного термина, включающего аспект географический, этнический, антропологический и даже религиозный. К тому же в различное время его употребления преобладающая роль одного из этих аспектов не оставалась постоянной. Кроме того, термины, в которых преобладал географический или этнический аспект, как выясняется, возникали не в связи со строго локализованной местностью или группой населения, а перемещались по мере расширения круга сведений, сужая или расширяя свое значение, давая, с одной стороны, более или менее точно локализованный термин, а с другой — широкое абстрагированное понятие с довольно свободным употреблением.

Наиболее специфической особенностью источников, связанных с восточным побережьем Африки, оказывается их зависимость прежде

всего от морской торговли арабов побережья Персидского залива и Аравии со странами Восточной Африки. В определенной мере это обстоятельство было вызвано географическими особенностями восточных областей материка. Сухопутные караванные пути — наиболее привычные арабам способы перемещения грузов — по этим местностям не могли быть проложены из-за неблагоприятных природных (в первую очередь климатических) условий, так же как и потому, что их протяженность и трудность в этом случае лишили бы торговлю необходимой безопасностью и прибыльностью. В то же время морским связям между Персидским заливом и Восточной Африкой чрезвычайно способствовали регулярно меняющиеся муссоны Индийского океана.

БЕРЕГОВАЯ ЛИНИЯ

Традиция морских торговых плаваний в этой части Индийского океана восходит по меньшей мере к началу нашей эры. Естественно, что наиболее точные данные арабских источников, почерпнутые в результате этих контактов, относились к местам, наиболее часто и даже систематически посещавшимся арабами. Это не означает, однако, что наиболее точные сведения касались самой близкой части африканского побережья. Ближе всего к южноаравийским берегам расположен восточноафриканский берег, начинающийся сразу за мысом Гвардафуй, но значительная часть его крайне неудобна для мореходства. Это объясняется отсутствием защищенных бухт и заливов, сравнительно быстрым течением, довольно сильными бризами, нарушающими постоянный характер муссонов, и, наконец, трудностью пополнения запасов свежей воды.

Географическая характеристика побережья меняется только неподалеку от Могадишо, и это обстоятельство в какой-то мере находит отражение в сочинениях арабских географов: начиная от Могадишо и до Момбасы располагается наиболее известная им часть побережья. Южнее Момбасы начинается берег, который нельзя исключить из района, посещавшегося арабскими мореплавателями, но сведения о нем обычно носят менее определенный характер.

Сообщения о восточноафриканском побережье большей частью разбросаны в различных сочинениях без какой-либо строгой последовательности. Иногда они расположены по алфавиту в зависимости от названия пункта или местности, к которым они относятся (как, например, у Йакута и ал-Казвини), иногда изложены в порядке описания маршрута, иногда могут быть подчинены региональному принципу [например: 12; 15; 20; 30]. Именно так (в последовательном делении с юга на север и с запада на восток) построено описание обитаемой части земли у ал-Идриси (ум. в 1165 г.) и Ибн Саида ал-Магриби (ум. в 1274 или 1286 г.), в сочинениях которых можно найти связанное, достаточно полное и последовательное описание восточноафриканского побережья. Районы побережья южнее Момбасы описываются ал-Идриси в составе первого климата (седьмая — девятая части) [2, стр. 304—308 (250—260)]¹, Ибн Саидом — в пятом — седьмом отрезках обитаемой части земли, расположенной к югу от экватора [23, т. IV, лл. 1080а — 1081б].

В целом побережье Восточной Африки с севера на юг делится

¹ Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы арабского текста.

различными арабскими авторами на несколько районов следующим образом:

страна берберов, страна зинджей, Софала, Вак-Вак (ал-Масуди, ал-Идриси, Ибн ал-Барди);

страна берберов, страна зинджей, Софала (Ибн Саид);

страна берберов, Занджабар (страна зинджей), Софала, Дагута (ад-Димашки).

Основной особенностью описаний берега южнее Момбасы (Софалы у большинства авторов) оказывается то, что в отличие от северной части побережья, где можно устойчиво идентифицировать хотя бы несколько названий (Карфуна — Гвардафуй, Хафуна — Рас-Хафун, Макдашу — Могодишо, Марка, Брава, Джуба, Малинди), сравнительно многочисленные названия пунктов береговой линии южнее Момбасы в большинстве своем до сих пор не идентифицированы. Однако сведения источников дают некоторое представление о береговой линии в целом.

Так, по ал-Идриси, от Момбасы до деревни (или города) ал-Банас (الباناس), расположенного в седьмой части первого климата, — шесть дней пути по суше или полтора перехода по морю. К г. ал-Банас «примыкает земля Софалат аз-захаб. От него до города, который называется Бутахна (بتحة), по суше, вдоль берега моря, восемь дней [пути] и полтора перехода по морю... В море между этими двумя городами есть большая и высокая гора, которая называется Аджрад...» [2, стр. 305 (258)].

Остальная часть Софалы, по его словам, приходится на восьмую и девятую части первого климата. Здесь расположены два похожих на деревни города — Джантама (جنظمة) и Дандама (دندمة), между которыми — два перехода по морю и семь дней пути по суше. К «земле Софалы» примыкают три города: Дандама, Сайуна (صيونة), Бархата (برخنة)². Главный из них — Сайуна. Это город средних размеров, население которого происходит «из стран Индии, из зинджей и иных. Город этот расположен на берегу моря, и в нем живет глава этой страны». От Сайуны до Бархаты вдоль берега моря — три перехода. Столько же — от Сайуны до Дандамы: «три перехода по морю, а по суше около двадцати переходов, так как между ними расположен большой залив». От Бархаты до г. Джаста (جاستة), находящегося в девятой части первого климата, — один переход по морю, а по суше — четыре дня пути [2, стр. 306—307 (258—260)]. Отсюда три дня и три ночи пути морем до г. Дагута (دغوطة), расположенного на берегу большой бухты. Это последний город «в стране Софалат ат-тибр».

К земле Софала примыкает земля ал-Вак-Вак (الواقي واق). В ней находятся два города — Даду (دادو) и Банхана (بنهنة). Неподалеку от них расположена большая деревня под названием Дагдага (دغدغة). Местные жители «черны, вид их гадок, наружность безобразна. Речь их представляет род свиста. Они голы и ничем не прикрываются. Посещают их немногие. Питаются они рыбой, [мясом] раковин и черепах. К их [территории] прилегают острова ал-Вак-Вак...» [2, стр. 307—308 (260)].

На карте ал-Идриси все описанные области помещены южнее экватора, т. е. вне первого климата [см.: 37]. Схематическое изображение этой части Африки по карте, изданной в 1951 г. в Багдаде, см. на рис. 1.

² Варианты чтения: Барха (برخة), Бухта (بوخته), Буха (بوخة).

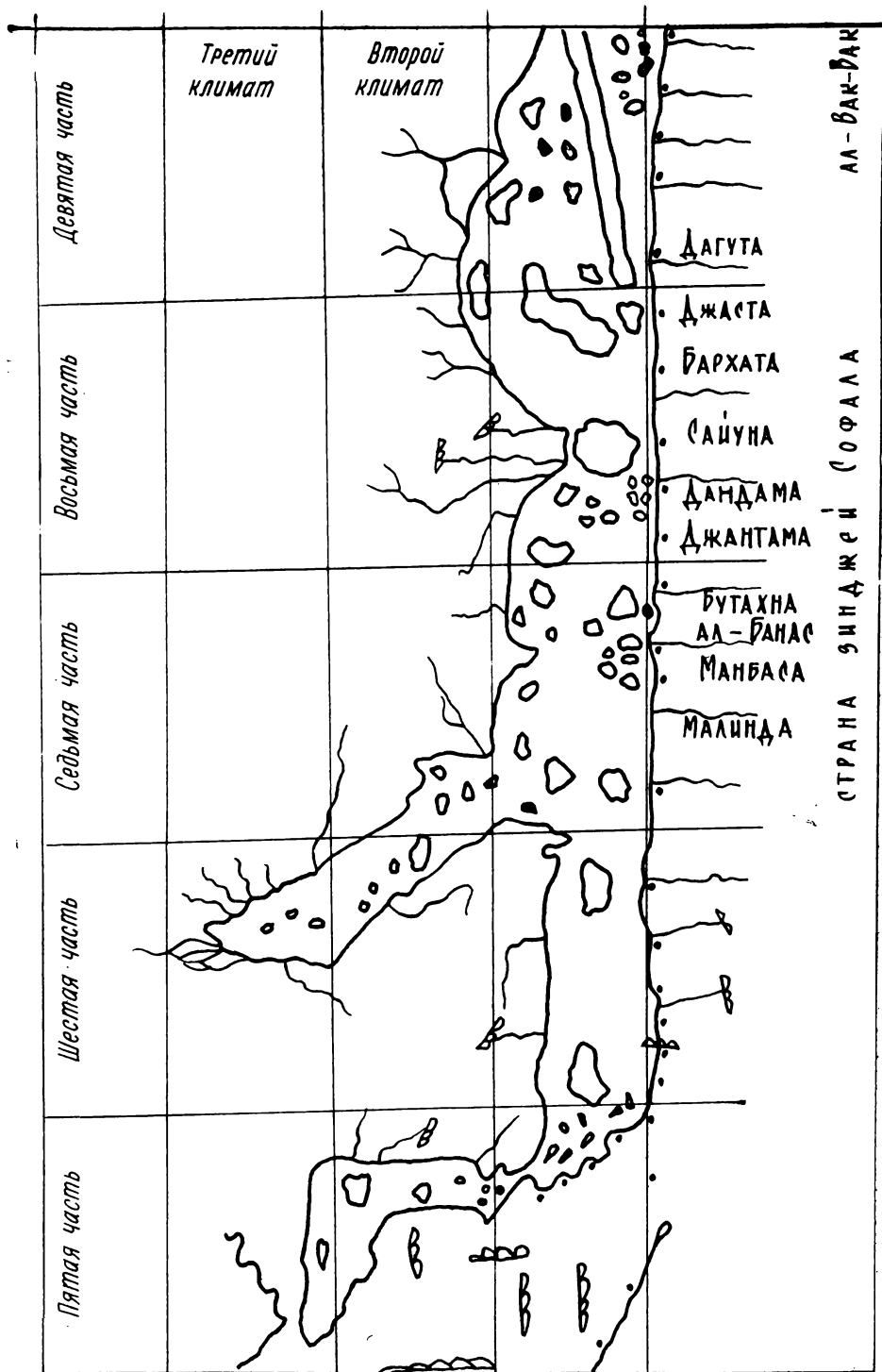

Рис. 1

В отличие от ал-Идриси Ибн Саид, в общем следующий его системе описания земли, устанавливает взаимное расположение пунктов, пользуясь не расстояниями, выраженными в днях пути, а географическими координатами. По его данным, в пятом отрезке (вне первого климата) на широте $2^{\circ}50'$ и на долготе $81^{\circ}30'$ находится Малинда (ملندة), на расстоянии градуса от нее — Момбаса (на той же параллели), а далее — пустыня, отделяющая страну зинджей от Софалы. Здесь находится один из городов Софалы — Батина (بتينة), координаты которого — $2^{\circ}30'$ ю. ³ ш. и 87° в. д. К северо-востоку от города находится гора Аджар, протяженность которой по берегу моря составляет около 100 миль. Город расположен близ большой бухты, в которую впадает река, стекающая с горы ал-Кумр (القمر).

Территория, включенная в шестой отрезок, населена «софалийцами». На побережье находится их столица — г. Сайуна (долгота 99° , широта — $2^{\circ}30'$). Город стоит на берегу большой бухты, к западу от которой в большой залив стекает река с горы ал-Кумр. К востоку от Сайуны лежат горы ал-Мултам, которые тянутся по берегу залива около 260 миль.

Начало седьмого отрезка совпадает с началом гор ан-Надама (الندامة) — в этом месте долгота равна $108^{\circ}1'$. Эти горы простираются от начала заселенной части земли на широте 16° на протяжении 20 дней пути, из них 14 дней — вдоль моря, и кончаются на долготе $117^{\circ}30'$. В северной части эти горы омываются проливом ал-Кумра, а с юго-востока — Окружающим морем (البحر المحيط). К северу от горной цепи, на берегу залива ал-Кумр, стоит г. Дагута (دغوة). Это последний город Софалы, знаменующий окончание населенной части суши, омываемой этим морем. Координаты Дагуты — 109° долготы и 12° широты. Севернее города располагается бухта, в которую впадает река, берущая начало с горы ал-Кумр. Исток этой реки якобы связан с истоком реки г. Сайуна.

Следуя записи Ибн Саида и пользуясь градусной сеткой, можно схематично воспроизвести линию побережья Восточной Африки в том виде, как она представлялась этому автору (рис. 2).

Отсчет широты в северном полушарии особых трудностей не представлял, причем арабские авторы, как и сейчас, вели его от экватора, так что градусы широты, указываемые в географических сочинениях, должны совпадать с современной градусной сеткой. Что касается долготы, которая может отсчитываться только от какого-то условного меридиана, то по античной традиции отсчет ее велся от меридиана «Счастливых островов» Птолемея и арабских географов, отождествляемых с Канарскими островами современной карты.

На схеме начальной точкой выбран Могадишо, так как его координаты в отличие от многих других пунктов определены довольно точно: широта равна 2° , долгота — 72° . Долгота Могадишо по Гринвичу равна 46° , таким образом, разница ($72^{\circ} - 46^{\circ}$) = 26° соответствует градусному расстоянию от Гринвича до Азорских островов или островов Зеленого Мыса, но не Канарских, расположенных примерно на 10° восточнее. С Канарскими островами идентифицируются как Счастливые (جزائر السعادات، الجزائر السعيدة), так и Вечные острова (جزائر الخالدات) арабских географов, действительно часто отождествляемые в арабских

³ Это подтверждается указанием Абу-л-Фиды, цитирующего Ибн Саида [см.: 28, стр. 156, 162].

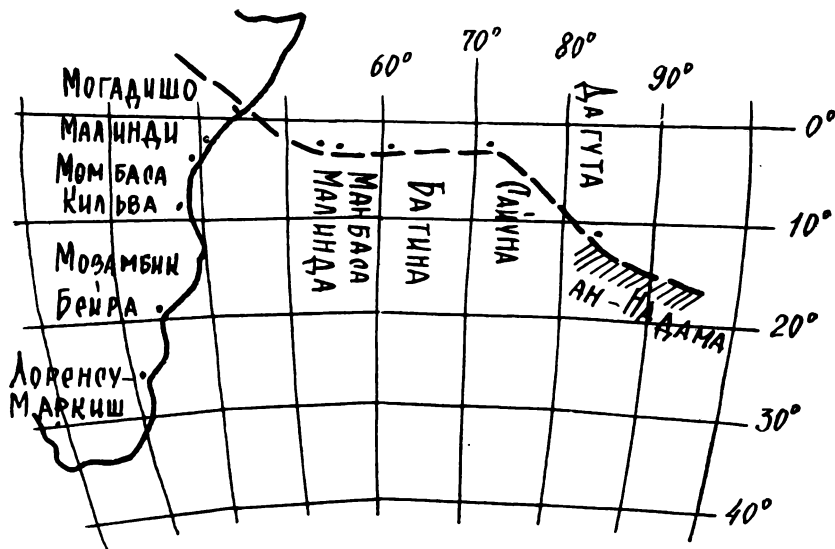

Рис. 2

сочинениях [см., например: 35, стр. 18]. Иногда, впрочем, некоторые авторы различают эти названия (хотя указания такого рода неполны и носят характер беглых замечаний). Так, Ахмед ибн Маджид в «софалийской» урджузе упоминает острова Саадат (السعادات), «которые предстают тебе восточнее Халидат (الخالذات)» [10, стр. 37]. К сожалению, отсутствие достаточного количества материалов не позволяет говорить подробнее об идентификации этих двух топонимов, однако следует обратить внимание на то, что ошибки в измерениях долготы указывают на постоянное отклонение нулевого меридиана на запад, но не на восток (разница в сравнении с отсчетом долготы по Гринвичу колеблется от 25° до 37°).

Цифровые данные Ибн Саида и других авторов, касающиеся восточного берега Африки, выглядят очень своеобразно. Использование птолемеевской схемы, по которой Африка располагается напротив Индии, по-видимому, приводит к тому, что с определенного момента градусы широты оказываются переведенными в градусы долготы. Точнее, это наблюдается в тех случаях, когда речь идет о местностях, расположенных южнее экватора. Возможно, это связано с тем, что южнее экватора невозможно наблюдать Полярную звезду — наиболее точный ориентир, служивший для определения широты местности в северном полушарии.

Можно попытаться разместить на карте точки восточноафриканского побережья, исчисляя их координаты таким образом, чтобы широтное расстояние от Могадишо до того или иного пункта равнялось разнице их долгот. Долгота будет измеряться указанными в текстах градусами широты, отсчитываемыми к западу от меридиана Могадишо, принимаемого за нулевой. (Если полностью подчиниться этому правилу, наш «нулевой» меридиан пройдет через 2° «восточной» долготы — в соответствии с широтой Могадишо, — но два градуса не представляют в этом случае существенной разницы.) Полученная таким образом линия изображена на рис. 3.

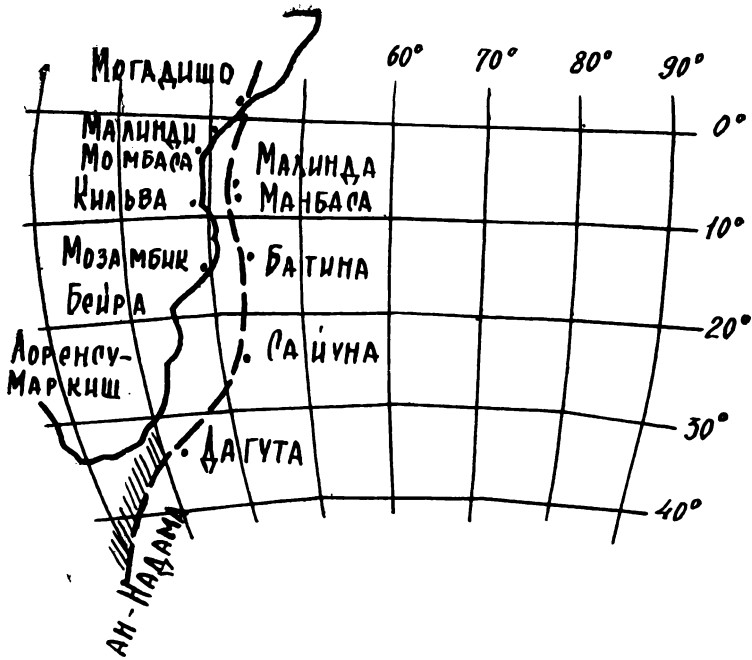

Рис. 3

Реальную долготу местности нельзя было определить до появления механических часов. Поэтому долгота, которая иногда указывается в источниках, по-видимому, определялась геометрически (по принципу треугольника) от какого-то пункта с условными, т. е. теоретическими, координатами при помощи счисления расстояния до определяемого пункта и направления пути по странам горизонта (в море — по компасному курсу).

В связи с этим можно предположить, что в арабских географических сочинениях градусные расстояния в их исходной форме иногда могли оказаться выражены в мерах длины, например в днях пути. Именно так могло случиться с данными, относящимися к восточноафриканскому побережью, которое в силу своей слабой расчлененности представлялось арабским ученым в виде почти прямой, лишь изредка плавно изогнутой линии.

Как уже говорилось, основным источником сведений о восточном побережье Африки были сообщения мореходов. Это в особенности относится к пунктам, расположенным в южном полушарии, где широту места можно определить, измеряя угол поднятия Канопуса (или Большой или Малой Медведицы) над горизонтом. Но такие измерения, по-видимому, применялись на практике только мореходами и не были использованы учеными-географами. Учитывая, что каждый градус равен 60 мин., а минута широты равна морской миле, можно попытаться вернуть градусным расстояниям между отдельными пунктами их исходное значение путевых расстояний. Результаты можно сопоставить с расстояниями, указанными ал-Идриси в днях пути, исходя из того, что обычно дневной переход по суше принимается равным 20 милям, а по морю — 100 милям.

от Малинди до Момбасы
 $1^\circ = 60' = 60$ милям морского пути

от Момбасы до Батины
 $87^\circ - 81^\circ 30' - 1^\circ = 4^\circ 30' = 270' = 270$ милям морского пути

от Батины до Сайуны
 $99^\circ - 87^\circ = 12^\circ = 720' = 720$ милям морского пути

от Сайуны до Дагуты
 $109^\circ - 99^\circ = 10^\circ = 600' = 600$ милям морского пути

от Малинди до Момбасы
 $2 \text{ дня} \times 20 \text{ миль/день} = 40$ милям по суше

от Момбасы до ал-Банаса
 $6 \text{ дней} \times 20 \text{ миль/день} = 120$ милям по суше
 $1,5 \text{ дня} \times 100 \text{ миль/день} = 150$ милям по морю

от ал-Банаса до Бутахны
 $8 \text{ дней} \times 20 \text{ миль/день} = 160$ милям по суше
 $1,5 \text{ дня} \times 100 \text{ миль/день} = 150$ милям по морю

от Бутахны до Джантамы расстояние неизвестно

от Джантамы до Дандамы
 $7 \text{ дней} \times 20 \text{ миль/день} = 140$ милям по суше
 $2 \text{ дня} \times 100 \text{ миль/день} = 200$ милям по морю

от Дандамы до Сайуны
 $20 \text{ дней} \times 20 \text{ миль/день} = 400$ милям по суше
 $3 \text{ дня} \times 100 \text{ миль/день} = 300$ милям по морю

от Сайуны до Бархаты
 $3 \text{ дня} \times 100 \text{ миль/день} = 300$ милям по морю

от Бархаты до Джасты
 $4 \text{ дня} \times 20 \text{ миль/день} = 80$ милям по суше

$1 \text{ день} \times 100 \text{ миль/день} = 100$ милям по морю

от Джасты до Дагуты
 $3 \text{ дня} \times 100 \text{ миль/день} = 300$ милям по морю

Приняв за точку отсчета Момбасу как последний известный на современной карте пункт, называемый арабскими географами, можно попытаться установить с возможной точностью положение относительно него других точек, пользуясь указанными в градусах или днях пути расстояниями, переведенными в мили. Отсчет 120 миль по суше определяет положение г. ал-Банас в районе г. Пангани (чуть южнее). Следует обратить внимание на то, что название ал-Банас — единственное из наименований прибрежных городов, включающее в себя определенный артикль. Между тем это нехарактерно для неарабских географических названий, обычно сохраняющих местную форму произношения. Нет также никаких оснований считать ал-Банас арабским поселением

на восточноафриканском побережье. Скорее можно предположить искаженную запись какого-либо африканского названия, например Пангани. По нормам суахильской письменности [об этом см.: 6] оно могло быть записано в вариантах: بنگانى , بنغانى , بنكانى , بكانى , которые при переписке могли превратиться в البانس ⁴.

Отсчет следующих 160 миль по суше в южном направлении укажет на местонахождение г. Бутахна в районе Кильвы. В целом расстояние от Момбасы до Бутахны, указываемое ал-Идриси (120 + 160 = 280 миль), соответствует расстоянию от Момбасы до г. Батина, указываемого Ибн Саидом (270 миль морского пути), и не противоречит приблизительному определению этого интервала в 300 миль морского пути (по ал-Идриси).

Название г. Кильва, возникшего еще в X в., в арабских источниках появляется впервые у Якута (ум. в 1229 г.) в форме (كلوة) Килва [34, т. IV, стр. 302], которая становится обычной для более поздних источников. У Ибн Баттуты, впрочем, это название записано в форме (كلوا) Кулва [14, стр. 193], а у ад-Димашки (1325 г.) встречаются два написания: (كلبة) Килба и (كلية) Килита [25, стр. 112, 150]. Если принять во внимание возможность происхождения современного названия «Кильва» от суахильского «Киримба» [5] (диалектная форма — Килимба), то два эти написания могут оказаться довольно точной записью старинного названия Кильвы. По нормам суахильского письма, основанного на арабской графике, слово «Килимба» (Киримба) могло быть записано двояко: (كلبة) Kilba, Kili(m)ba и (كلية) Kilimba. В рукописном тексте كلية легко может превратиться в كلية , а при дальнейшем незначительном искажении — в بتينة , равно как и в بتهنة ⁵.

Отсчет от Кильвы (= Батина = Бутахна) 720 миль морского пути указывает на нахождение г. Сайуна близ устья Замбези (район Шинде — Келимане). По данным ал-Идриси, этот интервал окажется равным приблизительно 200 + 300 + x миль по морю или 140 + 400 + y миль по суше, где x и y — не определенное расстояние по морю и по суше между городами Бутахна и Джантама. Девик и Хартманн ассоциировали Сайуну с современным г. Сена (приблизительно в 50 милях от побережья вверх по течению Замбези) [15, стр. 84; 30, стр. 139]. Однако это чисто лексикологическое сопоставление в данном случае не кажется оправданным, так как до сих пор указания арабских авторов на приморское положение того или иного города соответствовали действительности. Г. Ферран видел в Сайуне Шиону, которую Ж. де Барруш помещал на побережье между Малинди и Момбасой [11, стр. 22; 18, стр. 491]. Это предположение также не подтверждается данными текста. Кроме того, надо иметь в виду возможность чтения Байуна (بيونة) [23, т. IV, л. 10926]⁶. Тогда открывается возможность отождествить Сайуну с известным по другим источникам (в частности, по данным Ахмеда ибн Маджида) пунктом Мульбайуни, находящимся на восточноафриканском побережье значительно южнее Кильвы. Морская эн-

⁴ Идентификацию ал-Банас — Пангани предлагал также К. Миллер [26, стр. 170].

⁵ По-видимому, это относится и к названию «Банхана», которое, хотя и упоминается в тексте как относящееся к другому городу, не сохранилось на карте. Вариант названия «Бутахна» — «Тухна» (تونه) может быть искажением формы (كلبة) Килба.

⁶ صيونه может также оказаться искаженным написанием названия «Шинде» (вариант записи — صندء).

циклопедия Сиди Али Челеби устанавливает тождество Мульбайуни и Мозамбика [17, стр. 537], с которым, таким образом, можно отождествить Сайуну. Нахождение Мульбайуни значительно севернее расчетного положения Сайуны подтверждается также сообщением Ахмеда ибн Маджида: в его «софалийской» лоции широта Мульбайуни определяется в восемь «пальцев» по Большой Медведице, что соответствует приблизительно 15° ю. ш., т. е. широте Мозамбика.

Следующий крупный пункт на побережье — Дагута — располагается Ибн Саидом на расстоянии 600 миль морского пути от Сайуны. По указаниям ал-Идриси, этот путь равен приблизительно $300 + 80 + 300 = 680$ или $300 + 100 + 300 = 700$ милям. В случае нахождения Сайуны близ Шинде или Келимане Дагута оказывается расположенной в районе залива Делагоа (по данным текста — «на берегу большой бухты»). Основываясь на сопоставлении текста и физико-географической характеристики местности, к такому заключению склонялся и Шторбек [30, стр. 141]. Если же принять отождествление Сайуны с Мозамбиком и доверять данным ал-Идриси о количестве дней пути между городами, приходится в данном случае значительно увеличить скорость морского путешествия, имея в виду, что расстояние между материком и о-вом Мадагаскар обычно указывается равным суткам пути. Возможно, следует также учитывать дополнительную скорость передвижения, сообщаемую сильным течением в Мозамбикском проливе.

Если все приведенные выше данные источников соотнести с береговой линией современной карты Африки, пункты, известные арабским авторам, разместятся, как показано на рис. 4.

Южнее Дагуты, по сообщению Ибн Саида, простираются горы ан-Надама — от 108° до 117° , т. е. на протяжении 540 миль. По его же данным, путешествие вдоль этой горной цепи занимает 20 дней (соответственно 400 миль). На современной карте предел известного арабам континента оказывается на южной оконечности материка, близ Ист-Лондона. Физическая характеристика местности, указываемая арабскими авторами, вполне соответствует действительности.

Несмотря на то что самая южная часть берега была арабам почти неизвестна, представление о том, что континент омывался с юга двумя океанами, было довольно устойчиво. Так, ал-Бируни в «Книге вразумления началам звездочетной науки» говорит, что после «Софалат аз-зиндж море (Индийский океан. — М. Т.) соединяется с западным морем-океаном» [2, стр. 114]. У него же в «Каноне Масуда» сказано, что плавающие в западной части Индийского океана «чаще всего достигают Софалат аз-зиндж» и дальше не заходят. Однако «абсолютной преграды для достижения моря-океана (Атлантический океан. — М. Т.)» за этими горами нет: «Я нашел признаки того, что эти два моря сообщаются, хотя мы и не видели этого воочию» [2, стр. 119].

По Ибн Саиду, на долготе о-ва ал-Кумр (Мадагаскар) море заполняет все пространство южнее гор ан-Надама; северной части этих гор противолежит пролив ал-Кумра, а с юга они омываются Окружающим морем (Атлантический океан), вдающимся с юго-востока.

Таким образом, основная часть сведений арабских авторов, в сущности, оказывается отнесена к линии берега, которая выступает вследствие этого наиболее четко. Картографическая точность этих сообщений неоднородна, что, по-видимому, определялось различиями в интенсивности торговых отношений и в устойчивости этой традиции. Данные арабской географической литературы о береговой линии Восточной Африки позволяют охарактеризовать и ареал географических представлений арабской науки и особенности арабской картографии, а также пред-

ставляют определенный материал для исследования развития некоторых специфических терминов, в частности «савахил», «зандж», «софала».

Расположение Софалы определяется арабскими авторами по-разному. Сама Софала называется то страной (у большинства авторов), то городом (у Йакута и ал-Казвини). Координаты Софалы впервые указывает ал-Бируни (ум. в 1050 г.). По его данным, Софала расположена на 10° ю. ш. и 55° в. д. [2, стр. 126]. Абу-л-Фида, ссылающийся на ал-Бируни, называет 2° ю. ш. и 58° в. д. [28, стр. 156]. По ал-Идриси, Софала начинается несколько севернее г. Бутахны, т. е. севернее Кильвы. Софала Ибн Саида располагается между 87° и 99° в. д., т. е. занимает прибрежное пространство на протяжении 720 миль к югу от Кильвы. У Йакута Кильва названа уже городом в стране зинджей [34, т. IV, стр. 302]. Веком позже Ибн Баттута сообщает, что Софала находилась в двух неделях пути к югу от Кильвы, т. е. несколько севернее г. Мозамбик [14, стр. 192]. В конце XV в. Ахмад ибн Маджид определяет положение Софалы примерно между 16° и 20° ю. ш., помещая г. Софала примерно на 18-й параллели (шесть «пальцев» по Большой Медведице) [10, стр. 38—39].

Все эти сообщения о границах Софалы свидетельствуют, что термин, обозначавший вначале часть побережья к югу от Момбасы, постепенно перемещается еще южнее: в XVII в. О. Даппер называет Софалой прибрежную полосу, заключенную между устьями рек Замбези и Лимпопо [13, стр. 394]⁷. В конечном итоге это название закрепляется только за городом, который ко времени позднего средневековья, очевидно, стал играть роль торгового центра прилегающего одноименного района.

Можно отметить аналогичные превращения названия «Дагута». Дагута, «крайний из городов Софалы» (ср. Софала — «последний город страны зинджей»), в «Космографии» ад-Димашки оказывается страной. Более того, прилегающая часть океана получает у ад-Димашки название «моря Дагуты». По-видимому, последовательное изменение содержания этих терминов отражает процесс ознакомления арабов с этой частью Африки.

Несколько иной характер носит история развития термина «савахил».

САВАХИЛ

В настоящее время арабский термин «савахил» сохранился в названии одного из самых распространенных африканских языков *kiswahili*. Место возникновения языка суахили в современной науке определяется довольно точно. Это прибрежная полоса и прилегающие острова Восточной Африки от архипелага Ламу на севере до границы с Мозамбиком на юге. Население этого района называют суахилийцами (*waswahili*).

Вопрос о происхождении этнонима «*waswahili*» и названия языка «*kiswahili*» не вызывал у исследователей сомнения: его решение сводилось к простому сопоставлению этнонима и арабского слова (ساحل) сахил (мн. ч. (سواحل) савахил) в самом общем значении «берег».

В связи с тем что процент заимствованных арабских слов в языке суахили очень велик, казалось простым и естественным назвать бе-

⁷ Следует отметить, что О. Даппер помещает столицу Софалы г. Софала на одном из островов Кувамы (р. Замбези).

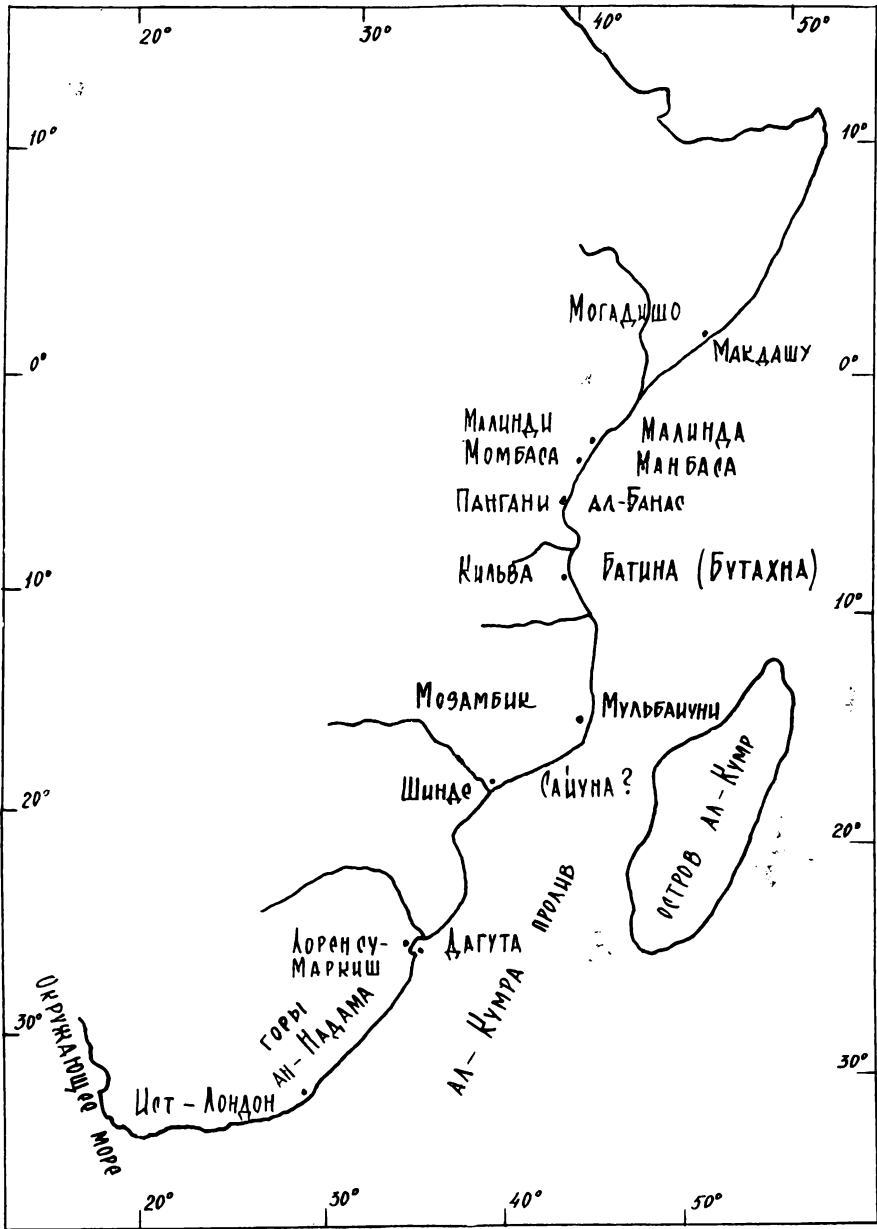

Рис. 4

реговых жителей словом, производным от арабского, тем более что слово ساحل имеет не менее двух случаев сходного употребления — это названия пограничных районов Сахары: Атласский Сахель и Суданский Сахель. Однако следует обратить внимание на то, что в данном случае исходной послужила форма множественного числа: пользуясь суахилийскими источниками, можно установить, что форме «waswahili» исторически последовательно предшествовали «sawahil», «wasawahil», «wasawahili», причем суахилийские хроники фиксируют арабскую форму слова — سواحل, т. е. сохраняют долготу в середине слова, что не диктуется требованиями суахилийской письменности.

Если происхождение термина имеет в основе форму множественного числа, то предположение о простом переводе слова «берег» («берега») на другой язык или о замене местного слова заимствованным еще не может объяснить это явление. Примеры с сахарскими сахелями убедительно показывают, что и в этом случае скорее всего была бы употреблена форма единственного числа. Для ответа на этот вопрос, по-видимому, лучше всего обратиться к исследованию арабских источников, обратив при этом особое внимание на формы и употребление слова «сахил» («савахил») в арабских текстах и на применение этих слов в связи с восточноафриканским побережьем.

Можно сразу заметить, что слово «сахил» встречается как в единственном, так и во множественном числе уже в самых ранних географических сочинениях, но при этом не содержит ни этнического, ни регионального значения. Форма множественного числа обозначает обычно либо просто «берега», либо «берег большой протяженности». Это же обстоятельство сохраняется и в тех случаях, когда речь идет об Африке. Например, у ал-Джахиза (середина IX в.) можно прочесть:

وانتم لم تروا الزنج الذين هم الزنج قط انما رأيتم السبي يجي من سواحل قنبله...
وانتم لم تروا من اهل لنجويه احدا قط لا من السواحل ولا من اهل الجوف...

«Вы никогда не видели настоящих зинджей. Вы видели только пленников с берегов („ас-савахил“) Канбалы... Вы никогда не видели ни одного из жителей Ланджуйн, ни с побережья („ас-савахил“), ни из внутренних областей...» [31, стр. 67].

Пример аналогичного употребления слова سواحل можно найти у Йакута:

بحر الزنج... ومن سواحلهم يلتقط العنبر ولا يوجد في غير سواحلهم...

«Море зинджей... на их берегах собирают амбру, и, кроме их побережья, она нигде не встречается» [34, т. I, стр. 501].

В этих текстах слово سواحل практически равнозначно ساحل в его обычном значении. Ср. у ан-Нувайри:

... ويلي هذه القطعة قطعة تسمى بحر الزنج، وبحر بربرا، ويسمى ساحله الزنجبار...

«К этой части [моря Индии] примыкает часть, называемая морем зинджей, и море Барбары, а берег его называется аз-Занджабар» [42, т. I, стр. 242].

С другой стороны, некоторые источники говорят об определенной области, к которой прилагается название «Савахил». Например, Ибн Баттута указывает, что «из ас-Савахила» привозят зерно в Момбасу. По его сообщению, можно приблизительно установить местонахождение этой области:

«Потом я поехал из города Макдашу в направлении („обратись лицом“ متوجها) страны ас-Савахил (بلاد السواحل), стремясь к городу Кулва в стране зинджей. Мы прибыли к острову Манбаса... Это большой

остров. Между ним и землей ас-Савахил (ارض السواحل) — два дня пути по морю... У жителей острова нет зерна, и его привозят к ним из ас-Савахила (من السواحل)» [14, стр. 191].

Это известие относится к 40-м годам XIV в. Можно говорить о закреплении традицией этого названия за определенной местностью вплоть до XVI в. Так, в конце XV в. Ахмед ибн Маджид тоже говорит о районе ас-Савахил, расположенном к северу от Момбасы:

«При муссоне отправляется к Побережьям (يسافر السواحل), при Тире вступает на них входящий. А устье появляется за ними, и Момбаса показывается на их юге» [10, стр. 25].

По тексту этой же лоции можно определить и северную границу области ас-Савахил:

«...Эта урджуга называется софалийской. Ее смысл заключается в ознакомлении с течениями и [астрономическими] измерениями от Ма-лайбара, Кабалана, Гузерата, Синда и Атваха до Долгого Берега, а от него — к областям Побережий (نواحي السواحل), Занджа, земли Суфал, Кумра и его островов...» [10, стр. 13].

Выдерживаемая автором последовательность перечисления свидетельствует о том, что область ас-Савахил должна была находиться между Долгим Берегом и страной зинджей (Занджем). Долгий Берег к концу XIX в. ограничивался пространством сомалийского побережья приблизительно между 3° и 5° с. ш. Таким образом, район ас-Савахил должен был находиться в южной части побережья Сомали, причем южная его граница, по указанию Ибн Баттуты (два дня морского пути от Момбасы), проходила несколько севернее архипелага Ламу или южнее устья р. Джубы.

Эта местность сейчас называется Бенадирским берегом или Бенадиром. Можно отметить любопытное совпадение: так же как ас-Савахил, это название использует форму множественного числа (персидское بندر — «порт», «гавань», вошедшее в арабский язык; мн. ч. بنادر).

Это двойное совпадение — географическое и совпадение грамматической формы названия (بنادر—سواحل), — по-видимому, не случайно. Оба эти названия можно рассматривать как определяющие приблизительно одну и ту же область, но различные как по начальной принадлежности к языкам, так, вероятно, и по времени преимущественного употребления. Это тем более интересно, что в арабском языке значение этих двух слов — арабского ساحل и заимствованного بنادر, как и значение их форм множественного числа, в определенных случаях употребления совпадает. Например, Ибн ал-Муджавир (ок. 1231 г.) употребляет оба эти слова при описании о-ва Сокотра:

وفي اطراف الجزيرة سواحل كثيرة مثل بندر موسى

«По берегам острова много гаваней, например Бендер-Муса (буквально: Порт Моисея)» [24, т. II, стр. 268].

Употребление слова ساحل наряду с другим термином, обозначающим гавань или порт (فرضة), встречается у ан-Нувайри (ум. в 1332 г.) в описании Красного моря:

«Приблизившись к ал-Мандабу, оно проходит по северной стороне мимо Галафики и ал-Ахваба, а это — гавани Забида (وهما ساحلا زبيد)... от ал-Кулзума поворачивает на юг и проходит мимо ал-Кусайра — это гавань (فرضة) Куса, затем идет к Айзабу — это гавань (فرضة) страны ал-буджа, простирается к Зейле, а это — порт (ساحل) страны ал-хабаша, и доходит до Берберы...» [42, т. I, стр. 243].

О том, что слово ساحل может обозначать «гавань», «порт», просто «прибрежное поселение», говорят и словари арабского языка [16, стр. 636; 41, т. XI, стр. 328]. Это позволяет объяснить, почему названия Савахил и Бенадир появляются в форме множественного числа и закрепляются за определенным районом побережья.

Именно этот район можно назвать пограничной областью или местом соприкосновения двух ареалов морской торговли. Оживленные торговые связи между мусульманскими странами Ближнего Востока и Восточной Африкой ставили в особое положение города, расположенные на этом участке побережья. Кроме того, именно на этом отрезке берега после значительного перерыва, объясняющегося природными условиями [20, стр. 98], было сосредоточено несколько портовых городов и множество мелких гаваней, давших всему району на каждом из связанных с торговлей крупных языков обобщенное название «гавани». Основные языки, участвовавшие в этом комплексе, — арабский, персидский, «язык зинджей» (т. е., в сущности, язык суахили). На этих языках и появляются соответствующие названия, т. е. арабское «Савахил», персидское «Банадир» (заимствовано арабским), суахилийское (на заимствованной основе) «banadiri».

Оба эти названия зафиксированы и в суахилийских источниках. Хроника Ламу относит название «Савахил» к району побережья близ архипелага Ламу:

Awali ya watu wa Lamu ni Waarabu walitoka Dameski as-Sham. Alowaeta ni Abdu-l-Malik bin Marwan. Ndiye alowaeta Sawahili alipokuwa kutaka makamkin an-nahasi...

«Начало благоденствием людям Ламу дали арабы, которые пришли из Дамаска в Сирии. Их послал Абду-л-Малик бин Марван. Именно он послал их к Савахилию, пожелав медной руды» [22, стр. 8].

Хроника Пате называет суахилийскими города на пространстве от Пате до Кильвы:

Akapata nguvu sana akapija jumla ya miji ya sawahili: Uziwa na Malindi na Kiwayu na Kitau na Miya na Imizi na Watamu hatta akafika Kirimba. Miji yote [a]kaitamalaki tangu Pate hatta Kirimba kul[li]a muji [a]kaweka mtu wake [ili] kuhukumu, ndiyo asli ya hao majumbe waliyo[ko] [katika] m[i]gima zote...

«И получил он большую силу, и завоевал множество суахилийских городов: Узиву и Малинди, Кивайю и Китаву, Мийю, Имизи и Ватаму, до самой Кириимбы. С этого времени всеми этими городами он управлял от Пате до Кириимбы, в каждом городе он поставил своего человека управлять от его имени — вот происхождение тех маджумбе, которые есть на всем берегу Мрима» [21, стр. 151]⁸.

Как видно из текста, в более позднее время (хроника повествует о событиях XIV в.) название «sawahili» относится не столько к области, сколько к населению обширного района, в который входит не только отрезок берега от Пате до Малинди⁹, но и значительные пространства к югу от них. Вместе с тем термин «banadiri», хотя и не имеет еще чисто географического содержания, применяется по отношению к ограниченной области сомалийского побережья:

Na janibu ya huku akatamalaki hatta Warshehi kwa vita alikuwanza kupiija tangu Kiwayu na Tula na Tuwala na Shungaya na Banadiri zote Barawa Marka Mukdishu. Napo Mukdishu [a]kaweka luwali hukmu ya

⁸ Эта и следующая за ней цитата даны в переводе В. М. Мисюгина [8].

⁹ А. Вернер указывает, что суахили считают своей прародиной именно этот небольшой участок побережья [см.: 32, стр. 626].

Banadiri zote zikawa Mukdishu, aka'ishi na nti hizo zote zi katika ta'a yake illa Unguja hakutawala...

«Вскоре после этого его власть распространилась вследствие войн до Варшейха. Вначале он завоевал Кивайю и Тулу, Тувалу и Шунгвайю, затем все гавани (весь Бенадир): Бараву, Марку, Мукдишу. Там, в Мукдишу, он поставил наместника, чтобы тот управлял всеми гаванями, которые относились к Мукдишу. И были под властью его все эти страны (города), кроме Унгуджи, где он не правил» [21, стр. 151].

На основании арабских источников можно судить о пестроте этнического состава населения городов этого участка побережья. Сообщения эти иногда противоречивы: одни и те же города могут быть отнесены арабскими авторами то к стране зинджей, то к стране ал-хабаша, то к стране бербера. Например, Мерку ал-Идриси относит к стране бербера [2, стр. 302 (254)], а Йакут называет ее «городом в аз-Занджабаре» [34, т. IV, стр. 502]. Брава у ал-Идриси помещена в стране «неверных, которые ни во что не верят... Часть этой страны [находится] в подчинении у царя барбара, а другая часть — в подчинении ал-хабаша» [2, стр. 304 (256—257)]. У Йакута же Бавари (Брава) и Малинди — «два близких города из страны зинджей» [34, т. I, стр. 485].

Могадишо, по сообщению Абу-л-Фиды, населяют представители зинджей и ал-хабаша (من الزنج والخشة) [28, стр. 161], а Йакут определяет его как «город в начале страны зинджей, к югу от Йемена, на берегу ал-барбар, посреди их земли». Причем все жители города, по его указанию, «чужеземцы, не черные» [34, т. IV, стр. 602].

В этих сообщениях все прибрежные города так или иначе соотносятся со страной зинджей или самими зинджами, хотя территориально могут принадлежать стране бербера. По-видимому, в суахильской традиции арабский термин «савахил» недолго сохранял географическое содержание: через название смешанного, негроидного в своей основе населения торговых центров небольшой части побережья он превратился в этноним «waswahili», обозначавший всех, кто говорил на главном из языков побережья группы банту, который в свою очередь получил название «kiswahili» (буквально: «говорить так, как говорят в савахилиях», т. е. в портовых районах, прибрежных городах и поселениях). В местной традиции закрепляется свое деление побережья: от района севернее Могадишо приблизительно до устья р. Джубы — Бенадир, далее до Малинди — Баджун, от Малинди до Кильвы — Мрима. Внешняя традиция не учитывает превращения топонима «Савахил» в этноним и перемещения его к югу (что, по-видимому, было связано с перемещением на юг центров развития языка и культуры суахили), поэтому в сочинениях арабских авторов для обозначения населения областей Восточной Тропической Африки сохраняется старинное название «зиндж».

ЗИНДЖИ

Слово «зиндж»¹⁰, по-видимому, неарабского происхождения и возникло довольно давно. Достаточно вспомнить название местности Зенгис Ζιγγισα (Ζηγγισα) ἀκρα, расположенной недалеко от мыса Ароматов, в

¹⁰ Собирательное الزنج аз-зиндж; ед. ч. زنجى зинджи, ж. р. زنجية зинджийа, мн. ч. زنوج зунудж, мн. ч. ж. р. زنجيات зинджийат. Как топоним чаще употребляется форма الزنج аз-Зандж.

«Географии» Птолемея (середина II в.) [27, стр. 276] или страну Зинджион Ζίνγιον Косьмы Индоплавателя (VI в.) [33, стр. 62].

В сохранившихся сочинениях античных авторов зинджи не упоминаются, но в арабских источниках встречаются посвященные им отрывки, приписываемые античным ученым. Например, Ибн ал-Факих ал-Хамадани пишет в «Китаб ал-булдан» («Книге о странах»): «Сказал Ифлатун (Платон. — М. Т.), что среди турок неизвестна верность, а среди румов — великодушие, среди хазар — стыд, среди зинджей — печаль, среди славян — храбрость, среди жителей ас-Синда — воздержание» [1, стр. 86 (68)]. Позднее Закарийа ал-Казвини ссылается на известного римского врача и ученого Клавдия Галена (II в.), перечисляя характерные признаки зинджей: «Джалинус (Гален. — М. Т.) говорит: „Зинджей выделяют по десяти признакам: черному цвету кожи, курчавым волосам, приплюснутому носу, толстым губам, тонким рукам и лодыжкам, зловонному дыханию, веселому характеру, недостатку ума и тому, что они поедают друг друга...“» [35, стр. 14].

Трудно судить, были ли приведенные отрывки произвольно приписаны названным авторам или представляют собой перевод или пересказ существовавших в действительности текстов. Недостаточное количество подобных текстов не дает возможности с полной уверенностью восстановить употребленный в оригинале термин, которому в арабском языке соответствует слово «зиндж».

Существует предположение о персидском происхождении этого слова. В персидских текстах (например, в поэзии) оно встречается в форме (زنك) занг, (زنگي) занги в общем значении «черный», «чернокожий». Самый ранний новоперсидский источник в этом случае — анонимное географическое сочинение «Худуд ал-алем», датируемое 982—983 гг. Здесь слово زنگ встречается в составе географического названия زنگبار (Зангибар) [3, стр. 2б, 3а, 13а, 39а]. Слово «Зангибар» встречается также в персидских вариантах «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга о путях и о государствах») ал-Истахри (ок. 340/951 г.), где оно служит эквивалентом арабского «земля зинджей». Немного позже, в середине XI в., находим название «Зангибар» у Насир-и-Хусрау. Например, он пишет:

واكر از عدن سوی جنوب رود كه ميل سوی مغرب شود بزنگبار وحبشة رود

«Если от Адена направиться на юг, отклоняясь к западу, [можно] попасть в Зангибар и Хабашат» [29, стр. 42].

Интересно отметить, что у этого же автора в персидском тексте встречается слово (زنوج) зунудж — «зинджи», т. е. арабская форма множественного числа, употребленная вместо соответствующей персидской [29, стр. 47]. Возможно, это объясняется тем, что речь идет о Египте: текст упоминает отряды зинджей в составе дворцовой стражи, — в таком случае употребление арабского названия кажется оправданным.

Судя по той форме, в которой это слово было зафиксировано персидскими авторами, первоначально оно произносилось «занг» или «зэнг». Очевидно, надо иметь в виду, что «джим» (ج) мог произноситься как «г» (ср. Гиркания — Гурган — Джурджан) и послужить поэтому эквивалентом «гафа» (ـ) в арабском написании заимствованного слова. Окончательно же решить вопрос, было ли оно заимствовано именно из персидского языка, в настоящее время, по-видимому, невозможно из-за отсутствия более ранних письменных источников на персидском языке, так как арабские произведения исторического и географического характера называют зинджей уже в VIII в. Наиболее подробные из ран-

них сообщений о зинджах сохранились в сочинениях ал-Джахиза. В произведениях более поздних авторов становится ощутима неоднородность этого термина.

Зинджи — средневековый этноним

Упомянутый ал-Джахиз (ум. в 869 г.) был потомком черного раба. Крупный литератор и ученый, он посвятил специальное сочинение темнокожему населению земли. Это — уже цитированная выше «Китаб фахр ас-судан ала-л-бидан» («Книга о превосходстве черных перед белыми»). Кроме того, упоминания о зинджах не раз встречаются в его знаменитой «Китаб ал-хайаван» («Книге о животных»). В отличие от более поздних арабских авторов он совершенно не касается вопроса о расположении страны зинджей, но довольно подробно говорит об их нравах и обычаях. Интересно, что уже у него встречаются указания на неоднородный состав зинджей: «Говорят, что существуют два вида зинджей и одно зинджское племя держит верх над другим. Их два вида: „муравьи“ (التمل) и „собаки“ (الكلاب), одно племя — „собаки“, а другое — „муравьи“. Эти последние гордятся числом, а те — силой. Эти два названия они сами себе выбрали, они не были им навязаны» [38, т. II, стр. 66].

В «Книге о превосходстве черных перед белыми» ал-Джахиз опять говорит о делении зинджей. В этом случае он не определяет строго границы их расселения, но можно найти косвенные указания на районы их распространения: «Вы никогда не видели настоящих зинджей. Вы видели только пленников с берегов Канбалы, из зарослей и долин, из числа наших слуг, низких людей и рабов. А ведь у жителей Канбалы (قنبلة) ни красоты, ни ума. Канбала — это название местности в гавани которой пристают ваши корабли. А дело в том, что зинджи бывают двух родов: канбала и ланджуйа (النجوية), так же как существуют два вида арабов: Кахтан и Аднан. Вы никогда не видели ни одного из жителей Ланджуйи, ни с побережья, ни из внутренних областей» [31, стр. 76—77].

Следующим по времени автором, говорящим о зинджах, оказывается ал-Йакуби (ум. в 897 г.). В его сочинении «Тарих» («История») сказано: «Последнее государство ал-хабаша — аз-Зиндж... Зинджи же — народ, отличающийся расчетливостью и единством сердец» [1, стр. 40 (38)].

Позднее краткое сообщение о зинджах приведено у Ибн Русте (начало X в.): «Что касается моря ал-Хинда, то, когда едущий пересекает это море возле залива Адена, первой землей, в которую он направится, будет остров, называемый Барбар, а он обитаем, и на нем [живет] племя зинджей, связанных со странами черных» [1, стр. 89 (88)]. В словах «племя зинджей» (جنس من الزنج), очевидно, следует видеть указание на известное автору этническое деление зинджей.

Любопытно хронологически близкое к этому сообщению (ок. 951—952 гг.) упоминание ал-Истахри еще об одном виде зинджей — «белых» зинджах. Он пишет в «Книге о путях и государствах»: «А до меня дошло, что в некоторых частях [страны] зинджей находятся холодные области, в которых есть белые зинджи (زنج بيض)» [1, стр. 148 (145)].

Это сообщение повторяется затем у Ибн Хаукаля в «Китаб сувар ал-акалим» (ок. 977 г.) [2, стр. 62 (59)].

Ал-Масуди (ум. в 965 г.) не только говорит об этническом делении зинджей, но и указывает на существование у них отдельных государственных образований: «Зинджи составляют многочисленные роды, и у

них есть царства» [1, стр. 259 (254)]. Он называет несколько видов зинджей: ал-макир (المكير), ал-машкар (المشكر), барбара (بربرا) [1, стр. 236 (229)]. Его сообщение частично повторяет затем Ибн Васифшах в «Китаб ал-аджаиб ал-кабир» (1211 г.): «Зинджи — это множество народов. Зинджей много племен, а есть у них и царства» [39, стр. 41а, б].

«Разного рода зинджей» (اصناف الزنج) упоминает и Ибн ан-Надим [2, стр. 84 (83)] (первая редакция его труда «Китаб ал-фихрист» относится к 987—988 гг.). Ал-Бируни в начале XI в. говорит о том, что «на берегах моря и на островах живут различные племена зинджей» [2, стр. 117 (115)].

Новые названия — «зинджи ан-нуба» (زنج النوبة) и «зинджи ал-хабаша» (زنج الحبشة) появляются в последней трети XIII в. в «Китаб джуграфия фи-л-акалим ас-саба» Ибн Саида ал-Магриби [23, т. IV, л. 1082а]¹¹. В 20-х годах XIV в. ад-Димашки пишет: «Из числа племен черных — зинджи. Это аз-загун (الزاغون) и аз-загу (الزغو) из потомков Кифта ибн Масра ибн Хама. Их два вида: каблия (قبليية) и канджуйа (كنجوية). Каблия — название муравьев (اسم للنمل), а канджуйа — название собак (اسم للكلاب)» [25, стр. 269]. Вторая часть цитаты, очевидно, представляет собой искаженный и сильно сокращенный пересказ фрагмента «Книги о животных» ал-Джахиза, по которому тем не менее можно установить соотношение между четырьмя названиями зинджей, приведенными у ал-Джахиза, и делением их на два вида. «Каблия» и «канджуйа» ад-Димашки — безусловно искаженное «канбала» (قنبلة) и «ланджуйа» (لنجوية) ал-Джахиза. В другом случае ад-Димашки упоминает «зинджей ламлам» (للمم الزنوج), говоря об областях, расположенных вблизи оз. Кура [25, стр. 111].

По существу приведенные выше в хронологическом порядке цитаты представляют собой весь материал, содержащий указания на деление зинджей по их названиям. По традиции многие авторы возводят происхождение зинджей к библейскому Ною. При этом они указывают на определенную общность, родство зинджей с другими группами, населяющими Восточную Африку, — нубийцами (ан-нуба), эфиопами (ал-хабаша), беджа, отличая их от негроидного населения Западной Африки, именуемого «черными» (ас-судан السودان). Самое раннее высказывание такого рода принадлежит ал-Йакуби: «Дети же Куша ибн Хама, — а это ал-хабаша и черные, — когда переправились через Нил Египта, разделились на две части. И одна часть из них направилась вправо, между востоком и западом, и это — нубийцы, ал-буджа, ал-хабаша и зинджи, а другая часть направилась на запад» [1, стр. 39 (37)].

О родстве зинджей с ал-хабаша говорит и ал-Масуди: «Зинджи помимо прочих ал-ахабиш (الاحابيش) пересекли пролив, отделяющийся от верхнего течения Нила и впадающий в море зинджей» [1, стр. 236 (229)]. Надо, впрочем, отметить, что термин «ал-ахабиш» употребляется у ал-Масуди в более широком, чем обычно, смысле. Так, у него же встречаются «ал-ахабиш из числа нубийцев» (الاحابيش من النوبة). В приведенном несколько ранее отрывке, принадлежащем этому же автору, можно видеть указание на родство зинджей

¹¹ Йакут, говоря о «зинджских» бербера (بربره الزنج), по-видимому, имеет в виду не особую этническую общность, а бербера, живущих близ аз-Занджа (страны зинджей) [см.: 34, т. IV, стр. 762].

и берберов. Если остальные авторы и не подтверждают это мнение, то все же иногда считают страну берберов составной частью страны зинджей¹².

Страна зинджей

Расположение страны зинджей, ее протяженность и границы определяются арабскими географами различно. В середине X в. ал-Истахри считает, что страна зинджей «не граничит ни с каким государством, кроме ал-хабаша; она расположена против Йемена, Фарса и Кирмана, так что противостоит ал-Хинду» [1, стр. 147 (144)]. Северной границей страны зинджей, основываясь главным образом на сообщении ал-Масуди, считают р. Джуба [подробнее см.: 4]. Ал-Идриси в середине XII в. пишет в «Китаб нузхат ал-муштак», что с севера «со страной зинджей на берегу соленого моря» граничат «два города — Базуна (بدونة) и Каркуна (قرقونة), жители которых неверные» [2, стр. 302 (255)]. В краткой редакции ал-Идриси повторяется, что Базуна «является границей между странами барбара и зинджей» [2, стр. 336 (334)]¹³, тогда как Ибн Саид относит начало страны зинджей к г. Малинда [34, т. III, стр. 96].

Относительно расположения страны зинджей Йакут (до 1229 г.) говорит: «Море зинджей и есть море Индии, а страна зинджей лежит в южной его части под Канопусом (سهيل)... Зинджи видят южный полюс высоко, почти посреди неба, примерно там же Канопус, и совсем не видят ни Полярной звезды (الجدى), ни северного полюса, ни Большой Медведицы (بنات النش)» [34, т. I, стр. 502].

Насир ад-Дин ат-Туси (1201—1274 гг.) считает, что «края зинджей, ал-хабаша и прочих» могут быть расположены южнее экватора, «однако их широты не превышают немногих градусов» [23, т. III, л. 1044].

Южной границей страны зинджей арабские авторы называют Софалу (سفالة): Софала зинджей (سفالة الزنج), Софала золота (سفالة الذهب), Софала золотого песка (سفالة التبر). Обычно Софала — область, расположенная в не определяемой точно местности к югу от страны зинджей, но у Йакута в первой трети XIII в. и позднее у повторяющего его ал-Казвини это — последний город, известный в стране зинджей (آخر مدينة تعرف بارض الزنج) [34, т. II, стр. 96; 35, стр. 29]. Ал-Бируни помещает Софалу зинджей на 10° ю. ш., «напротив Александрии и Египта» [2, стр. 126 (122)] (см. выше).

Можно встретить косвенные указания на значительное протяжение страны зинджей в глубь континента. Правда, ал-Масуди в «Ахбар аз-заман» пишет, что зинджи живут «на берегу соленого моря» [1, стр. 259 (254)], но у него же есть высказывания об обилии слонов в стране зинджей, об охоте на них [1, стр. 237 (230)], наконец, рассказ о египетской экспедиции против зинджей и ан-нуба, которая достигла «земли слонов в стране зинджей» и пригнала пойманных слонов в Египет [36, стр. 186].

При описании Нила часто говорится, что он течет сначала по стране зинджей, потом пересекает страну ал-хабаша и достигает страны

¹² Например, у Абу-л-Фиды по Ибн Саиду: «Берберийский залив... доходит до Берберы из страны зинджей» يتصل ببربرا من بلاد الزنج [28, стр. 25].

¹³ Если, следуя указаниям ал-Идриси, принять расстояние от Марки до Базуны равным десяти дням пути, то ее следует расположить на сомалийском побережье, несколько южнее устья р. Джуба.

нубийцев, а затем уже течет по Египту. Например, — у Ибн Хаукала [2, стр. 69 (51)]. У Йакута — в одном случае именно в связи с Нилом — впервые в арабской географической литературе появляется термин (الزنجبار) «аз-Зандж(а)бар». На этот раз автор имеет в виду внутренние области континента: «Что касается разлива Нила летом, то причина этого в том, что в земле аз-Занджабар выпадет много дождей» [34, т. IV, стр. 864]. Эту же причину летнего разлива Нила указывает Страбон, основываясь на данных Эратосфена: «Древние писатели основывались главным образом на догадках, но позднейшие, став очевидцами, установили, что Нил наполняется от летних дождей, когда происходит наводнение в Верхней Эфиопии, особенно в ее самой отдаленной области» [9, стр. 729]. Исходя из безусловного сходства этих текстов, можно предположить, что в тексте Йакута, передающего сведения античных ученых, термин «аз-Занджабар» выступает эквивалентом греческого *ἄθιοπία*. Возможно, следовательно, что на каком-то этапе развития арабской географической литературы в какой-то определенной ее части (заимствованной) термин «зиндж» может быть равнозначен греческому *Αἰθιοπός*.

В другом случае Йакут называет аз-Занджабаром часть восточно-африканского побережья Индийского океана: «Марка — город в аз-Занджабаре, принадлежащий черным бербера» [34, т. IV, стр. 502]. Вероятно, к этому времени термин еще не определился достаточно строго и иногда просто заменяет выражения «земля зинджей» или «страна зинджей» (ср. в первом случае: *بارض الزنجبار*, т. е. буквально «в земле страны зинджей»). Веком позже, у ан-Нувайри (ум. в 1332 г.), он категорически отнесен к прибрежным районам. Здесь аз-Занджабаром назван берег Моря зинджей и Моря бербера (*يسمى ساحله الزنجبار*) [42, т. I, стр. 242]. Ад-Димашки (1327 г.) также связывает его с побережьем: он упоминает «побережье аз-Занджабара» (*ساحل الزنجبار*) и «прибрежный Занджабар» (*زنجبار الساحل*) [25, стр. 111, 151]. Этот автор относит западные пределы страны зинджей далеко на запад. По его словам, р. ад-Дамдам «вытекает из озера Кура (оз. Чад. — М. Т.) и проходит по местам расселения черных дамдам (*دمدم السودان*) и зинджей ламлам (*للمم الزنوج*)» [25, стр. 111].

Некоторые сообщения, вероятно, могут указывать на расположенные в глубине материка районы распространения мухи цеце. Так, ал-Идриси говорит, что у зинджей «нет верховых животных, потому что те не живут в их земле» [2, стр. 305 (257)]. Еще раньше ал-Масуди, которого повторяет затем ал-Казвини, утверждает, что скот зинджей — «коровы и быки, нет в их земле ни лошадей, ни мулов, ни верблюдов, и они их не знают» [1, стр. 237 (230); 35, стр. 14]. Далее он говорит, что царь зинджей «выступает в поход во главе трехсот тысяч всадников». И разъясняет: «Мы сообщали об их скоте, что это коровы, и зинджи сражаются на них, вместо [того чтобы сражаться на] верблюдах и лошадях. И эти коровы бегут подобно коням с седлами и поводьями» [1, стр. 237 (231)]. Коровы же служат, по его словам, вьючным скотом (ср. у ал-Идриси: «вьючных животных у зинджей нет, поэтому они сами занимаются переноской грузов») [2, стр. 305 (258)]. Разнородный характер этих сообщений был отмечен уже Ибн Саидом. Он пишет о стране зинджей: «Кони у них не водятся, и войско зинджей — пехотинцы. Ал-Масуди же рассказывает, будто зинджи сражаются [верхом] на коровах» [23, т. IV, л. 10816]. Интересен и другой отрывок, приведенный Ибн Саидом со слов Ибн Фатимы: «Цари ал-Канема и Таджувви бежа-

ли со своими столицами от Нила из-за комаров (البغوض). Ибо... по соседству с Нилом много комаров, и вред от них для людей и лошадей был велик» [23, т. IV, л. 1082a].

Облик зинджей

Антропологические признаки зинджей отмечаются несколькими авторами. Обычно это наиболее очевидные признаки негроидности: темный цвет кожи, курчавые волосы, приплюснутый нос. Именно эти черты внешности зинджей перечислены у ал-Мутаххара ал-Макдиси (966 г.) [2, стр. 17 (14)]. Ал-Бируни считает цвет кожи зинджей подобным цвету жженого серебра [2, стр. 119 (116)]. Тахир ал-Марвази (до 1120 г.) указывает, что ал-хабаша и зинджам присущи «пучеглазие, приплюснутые носы, широкие ноздри, отвислые губы». В отдаленных областях, на берегу моря, «есть народ из зинджей... Они имеют неприятные черты и очень высоки. У них отвислые губы, отвислые уши, широкие ушные отверстия и ноздри» [2, стр. 207 (205), 208 (206)].

Наиболее полную антропологическую характеристику зинджей находим у ал-Масуди и ал-Казвини (по Галену — см. выше). Эти авторы говорят о черной от рождения коже, курчавых волосах, широком, приплюснутом носе, толстых губах, тонких длинных руках и ногах, редких бровях [12, стр. 10]¹⁴.

То, что у всех авторов, так или иначе говорящих о внешнем виде зинджей, непременно упоминается темный, черный цвет кожи, возможно, означает, что для арабов того времени само по себе слово «зиндж» не равнялось понятию «черный». Тогда естественно, что зинджей постоянно относят к «черным» в широком смысле слова, не имея в виду «черных» — жителей Западного Судана. Например, в «Китаб фахр ас-судан» ал-Джахиза при перечислении «черных» народов названы зинджи, ал-хабаша, феззан, берберы, копты, нубийцы, загава, мероз, ас-синд, ал-хинд, ал-кимар, ад-дибала, ас-син и масин [31, стр. 79]. Абу Хамид ал-Андалуси (1080—1160 гг.), говоря об особенностях людей и животных различных стран, называет «черноту зинджей» (سود الزنج) [19, стр. 214] как одно из наиболее характерных свойств, присущих зинджам, а не как эквивалент слова «зиндж». Можно вспомнить и «белых зинджей» ал-Истахри и определение цвета кожи зинджей у ал-Бируни (цвет жженого серебра لون السيمسختنج, т. е. иссинья-черный). Правда, судя по фрагменту «Минералогии» ал-Бируни, эпитет «зинджи» (زنجي) мог означать не только «зинджский», но и «черный»: «Лучший вид гематита — зинджи, очень черный... Рудник гематита находится в горе ал-Мукаттам и ее окрестностях, в земле Египта. Если это так, то он назван „зинджи“ только из-за цвета» [2, стр. 135 (130)]. Для автора, видимо, название «зинджи» еще не говорит о цвете: «зинджи, очень черный». Вероятно, в этом случае имело место последовательное переосмысление термина: поскольку слово «зиндж» означает чернокожего человека из Восточной Африки, то «зинджи» (зинджский) иногда может быть равнозначно эпитету «черный».

Ислам зинджей

Имел ли термин «зиндж» значение «язычник», «неверный»? Относительно времени, для которого мы располагаем письменными источниками, на этот вопрос нельзя ответить утвердительно. О существовании местных культов, известных арабам, можно говорить, уже основываясь

¹⁴ Соответствующий текст у Галена не сохранился.

на словах ал-Джахиза: «Какой-нибудь человек из них проповедует в присутствии царя зинджей от восхода до заката, не прибегая к жестам и не останавливаясь, пока не закончит речь» [31, стр. 67].

Первое сообщение о существовании в среде зинджей наряду с анимистическими верованиями ислама встречается у ал-Масуди. В «Мурудж аз-захаб» он пишет: «Кому из них понравится что-либо из растений, зверей или минералов, тому он и поклоняется... Среди прочих островов есть остров, между которым и берегом зинджей — около дня или двух дней пути; на нем живут люди из мусульман, и из числа мусульман их цари. Он называется Канбалу (قنبلو)» [1, стр. 238 (231)]. Несколько раньше об о-ве Канбалу сказано: «Это населенный остров, на нем живут мусульмане, хотя язык их зинджский. Они овладели этим островом и пленили тех, кто на нем из зинджей... Владельцы кораблей из жителей Омана пересекают это море до острова Канбалу, расположенного в море зинджей, а в этом городе — мусульмане вперемежку с неверующими из числа зинджей» [1, стр. 224—225 (221)].

У Бузурга ибн Шахрийара (953 г.) в сборнике «Китаб аджаиб ал-Хинд» («Чудеса Индии») есть рассказ о похищении приезжими купцами царя зинджей и о возвращении его затем в свою страну обращенным в ислам [1, стр. 207—211 (193—197)]. У себя на родине он оказывается первым мусульманином: «Я узнал то, чего не знал никто в стране зинджей».

В первой половине XI в. в «Масудовых таблицах» ал-Бируни в числе стран, находящихся за экватором, названа Софала зинджей, населенная мусульманами [2, стр. 126 (122)]. У ал-Идриси жители г. ал-Банас, последнего города в стране зинджей (в полутора переходах по морю к югу от Момбасы), «поклоняются ар-рахиму. Ар-рахимом они называют большой, похожий на бочку барабан, с одной стороны которого натянута кожа» [2, стр. 305 (257—258)]. Но у него же отмечено, что среди жителей г. ал-Унфуджа, столицы одного из островов зинджей, «преобладают в наше время мусульмане» [40, стр. 33]¹⁵.

В «Тухфат ал-албаб» Абу Хамида ал-Андалуси приведена притча о зинджском гуляме, который, будучи отпущен на волю хозяином, египетским портным Аффаном, вернулся в свое царство и уверовал в Аллаха всевышнего [19, стр. 140—142].

В XIII в. Йакут также называет мусульманами жителей о-ва Занзибар: «Ланджуйа (لنجوية) тождественно (انقوجة)... — большой остров в земле зинджей... Жители острова — мусульмане» [34, т. IV, стр. 336]. Это сообщение повторяет ал-Казвини в «Китаб асар ал-билад», в главе «Ланджуйа» [35, стр. 39], а в главе «Страна зинджей» можно усмотреть намек на существование у зинджей каких-то астральных культов: «Зинджа не увидишь опечаленным, и веселье захватывает их всех. Некоторые ученые говорят, что причина этого — в соразмерности крови и сердца; а другие говорят, что, напротив, причина этого — в восхождении над ними каждую ночь звезды Канопус, так как она вызывает радость» [35, стр. 14]¹⁶.

¹⁵ Следует читать «ал-Ункуда» (الانقوجة). Ункуда — название о-ва Занзибар на языке суахили.

¹⁶ О существовании у зинджей верховного божества сообщают Ибн ал-Факих, ал-Масуди, ал-Мутаххар ал-Макдиси. Они приводят его название у зинджей в вариантах «ламаклуджулу» (لمكلوجلو), «малканджулу» (ملكندجلو), «малакуи джалуи» (ملكوى جالوى) [см.: 1, стр. 81 (62), 238 (231); 2, стр. 20 (18)]. Это слово ассоциируют с зулусским unkulunkulu [см., например: 12, стр. 14—15].

Примерно в это же время Ибн Саид пишет, что жители Софалы и зинджи поклоняются идолам и камням, которые поливают жиром больших рыб [23, т. IV, л. 10816]. Но это сообщение, по-видимому, восходит к более раннему времени и относилось первоначально к более северным областям; ср. у ал-Идриси: «На берегу этого, то есть Индийского, моря расположен город Брава (بروة). Это последний город неверных, которые ни во что не верят. Они берут большие камни, мажут их рыбьим жиром и им поклоняются. Они поклоняются подобным и иным в этом роде нелепым вещам, и, несмотря на то что верование их гадко, они стойко его придерживаются» [2, стр. 304 (256)].

К востоку от Марки Ибн Саид помещает «прославленный город ислама», лежащий на берегу моря Индии, — Макдашу (Могадишо) [23, т. IV, л. 1080a]. Ранее о мусульманстве жителей города сообщает Йакут. Он же относит Макдашу к началу страны зинджей (مدينة في اول بلاد الزنج) [34, т. IV, стр. 602]¹⁷.

У Ибн ал-Муджавира встречается сообщение о том, что Кильва, которую Йакут называет городом в стране зинджей [34, т. IV, стр. 302], «обратилась от шафитства к хариджитству». Жители ее, пишет он, «придерживаются этого толка до сих пор (ок. 1231 г. — М. Т.)» [24, т. I, стр. 278]. В XIV в. Ибн Баттута рассказывает, что жители Кильвы ведут священную войну (اهل الجهاد), потому что их земли соприкасаются с «неверными зинджами» (كفار الزنوج), а большинство из них исповедуют истинную веру, причем «придерживаются шафитского толка» [14, стр. 193]. По ад-Димашки, этот город принадлежит зинджам-мусульманам (زنج المسلمين), тогда как расположенные к югу земли Дагуты заселены «настоящими», или «коренными», зинджами (زنج الزنج) [25, стр. 150]. Ад-Димашки не раз упоминает «зинджских» зинджей (الزنوج الزنج), относя их преимущественно к областям Дагуты: (وطائفة دغوطه) «А в Дагуте живут настоящие зинджи» [25, стр. 16, 161], но только отрывок, цитированный выше, позволяет увидеть в этом определении противопоставление зинджам-мусульманам.

И в этом и в других случаях можно заметить сосуществование у различных авторов одного времени, а иногда и у одного и того же автора данных разного характера и содержания, которые довольно легко делятся на две группы. Одни говорят о существовании в стране зинджей различных местных культов, другие свидетельствуют о распространении ислама, причем в основном на островах и в прибрежных городах. Распространение ислама в первую очередь в этих районах объясняется более высоким их развитием по сравнению с глубинными районами материка: более интенсивная (в силу выгодного расположения) морская торговля влекла за собой более интенсивное развитие культуры и углубление классового расслоения [об этом см.: 7]. О значительной роли ислама говорит также фраза ал-Масуди «и из числа мусульман их цари», относимая к жителям о-ва Канбалу (см. выше). В главе «Зеленый остров»¹⁸ географического словаря Йакута правители двух городов названы султанами; этот титул, очевидно, уже сам по себе может обозначать именно мусульманского правителя: «Остров ал-Хадра... большой остров у земли зинджей в море Индии... На нем есть два города, один называется Мтамби (متنبى), а другой — Мкумбулу (مكنبلو). В каждом из них свой султан, который не имеет

¹⁷ Повторяется у ал-Казвини: [35, стр. 40].

¹⁸ «Ал-Джазират ал-Хадра» (الجزيرة الخضراء) арабских географов идентифицируется с о-вом Пемба.

власти над другим. На нем много деревень и селений. Их султан утверждает, что он араб и происходит от [людей], переселившихся на остров из Куфы. Об этом мне рассказал достойный шейх Абд ал-Малик ал-Халлави ал-Басри; он видел все это и знал его, а он человек, заслуживающий доверия» [34, т. II, стр. 75—76].

Это первое сообщение, которое как-то перекликается с данными суахилийских легенд и хроник, обычно возводящих происхождение различных правящих династий к переселенцам из Халифата [о социальной природе этого явления см.: 8]. Особенно интересно, что с подобным высказыванием выступает не араб-путешественник, «заслуживающий доверия» шейх Абд ал-Малик, видевший султана, а сам султан.

Культура зинджей

О культурной жизни зинджей арабские источники дают очень мало сведений. Пожалуй, самым существенным в этих сообщениях являются упоминания о городах зинджей. Начиная с X в. они встречаются примерно в следующем порядке: Канбало (قنبلة, Канбала قنبلة, Канбала قنبلة, Канбалу قنبلو), Малинди (Малинда ملندة, Малинди ملندی), Момбаса (Манбаса منبسة), ал-Банас (البانس), Бутахна (بتھنة), Кильва (Килва كلوة, Кулва كلوا, Килба или Кили(мба)كلبه), Мкумбуу (Мкумбулу مكنبلو), Мтамбве (Мтамби مننبی), Мogaдишо (Макдашу مقداشو, Макдашау مقداشو), Ламу (لامو).

Перечень включает города, располагавшиеся на самом побережье Индийского океана или на близлежащих островах. Этот факт сам по себе объясняет происхождение этих городов: оно несомненно связано с торговлей, с морем, следовательно, имеется достаточно оснований считать, что по тому времени эти города были не только портами, но и центрами экономической и культурной жизни. То, что арабские авторы описывают их как зинджские города, показывает, что основным населением их были те, кого называли «зинджами». Это, однако, не исключает предположения о том, что население их было пестрым в этническом и языковом отношении. Тем не менее особо следует отметить сам факт причисления их к стране зинджей или к самим зинджам.

Город Канбало расположен на острове того же названия¹⁹; упоминается впервые почти одновременно у ал-Масуди и Бузурга ибн Шахрийара. По словам ал-Масуди, здесь находится престол царя зинджей. Население говорит на «зинджском» языке и в основном исповедует ислам. Можно судить и о довольно оживленных торговых связях острова с бассейном Персидского залива, зафиксированных уже в IX в. ал-Джахизом и позднее ал-Масуди: «Владельцы кораблей из жителей Омана пересекают это море до острова Канбалу, расположенного в море зинджей» [1, стр. 225].

В середине XII в. у ал-Идриси появляются новые названия: Унгуджа (ал-Унфуджа), Малинди (Малинда) и Момбаса (Манбаса). Город Малинда расположен «на берегу моря, в бухте с пресной водой. Малинда — большой город. Жители его занимаются охотой на земле и рыбной ловлей в море. На земле они охотятся на леопардов и волков, в море ловят разную рыбу, которую вывозят на продажу. У них есть месторождение железа, которое они раскапывают и разрабатывают. Железо является главным источником их доходов и основным предметом торговли. Жители Малинды утверждают, что они умеют околдовывать вредных

¹⁹ Идентификация этого названия очень спорна. Его относят то к о-ву Занзибар, то к Б. Коморо, то к г. Мкумбуу на о-ве Пемба, что, по-видимому, наиболее верно.

животных, так что те не причиняют вреда (разве только тем, кому сами жители желают причинить вред и отомстить), что львы и леопарды не нападают на них, так как они их околдовывают. Чародей у них, на их языке, называется ал-мканка.

От этого города до города Манбаса по берегу [моря] расстояние в два дня [пути]. Манбаса — это небольшой город, принадлежащий зинджам. Жители его занимают добычей железа на месторождения, которое там есть, и охотой на леопардов. Собаки их красного цвета [и настолько сильны], что одолевают волков и львов. Этот город [расположен] на море, на берегу большой бухты, в которую входят корабли... В этом городе находится резиденция царя зинджей» [2, стр. 304—305 (257)].

О той же Момбасе у Йакута уже говорится: «Большой город в земле зинджей. В нем останавливаются суда» [34, т. IV, стр. 656]. У Йакута же впервые появляются Кильва и Могадишо. Ибн ал-Муджавир указывает Макдашу и Кильву в качестве остановок на пути к ал-Кумру [24, т. I, стр. 117]. Возможно, это говорит о том, что Кильва была уже достаточно известным в то время портовым городом. Во времена Ибн Баттуты городом правил султан, который часто совершал набеги «на земли зинджей» (ارض الزنج). Имя султана чисто арабское: Абу-л-Музаффар Хасан, прозвище — Абу-л-Мавахиб [14, стр. 193].

Немного подробнее сообщения о Могадишо: «Макдашу... город в начале страны зинджей к югу от Йемена... Все его жители чужеземцы, не черные. У них нет царя, а всеми их делами ведают в их интересах старейшины. Если туда приезжает купец, ему приходится остановиться у одного из них и просить его покровительства, а тот берется за его дело» [34, т. IV, стр. 602]. Йакут называет Могадишо «славнейшим» (احل) из городов побережья страны зинджей, отмечая, что город населен арабами, которые «обосновались в этой стране». Это мусульмане, живущие «отдельными группами. Султана у них нет, а у каждой группы свой старейшина, которому они повинуются» [34, т. I, стр. 502]. Ад-Димашки называет Могадишо самым большим городом зинджей (ومدينتهم العظمى مقداشو) [25, стр. 269]. Ибн Баттута называет правителя города султаном, но оговаривает, что местные жители «называют его шейхом. Его зовут Абу Бекр ибн аш-шейх Омар. По происхождению он из бербера, говорит на языке макдиши (بالمقدشي) и знает арабский язык» [14, стр. 183].

Чрезвычайно любопытно здесь упоминание о языке Могадишо. Сейчас известно, что уже с XII—XIII вв. в районе Могадишо был распространен один из диалектов языка суахили — ки-бенадири. На этом диалекте до сего времени говорит население этой части побережья, хотя по антропологической принадлежности оно не относится к тем негроидным группам, которые говорят на других диалектах языка суахили.

Существование собственного языка у зинджей подтверждается краткими, но вполне определенными высказываниями. Например, ал-Джахиз, говоря о зинджах вообще, сообщает: «Нет на земле наречия более легкого для языка, чем их язык» [31, стр. 67]. Ал-Джахиз не только указывает на существование развитого языка у зинджей, но и неоднократно отмечает присущее им красноречие. У него же сохранился чрезвычайно интересный отрывок следующего содержания: «Зинджей — два вида. Одни из них гордятся числом, они зовутся муравьями, а другие гордятся выносливостью и крупным телосложением, их называют собаками. Один вид называется йа-кибва (يكيبو), другой — йа-мбва

(ينبو), „собаки“ — та-кибва (تكبو), „муравьи“ — та-мбва (تنبو)» [38, т. IV, стр. 11].

По-видимому, слова «йа-кибва», «та-кибва», «йа-мбва», «та-мбва» происходят из языков банту. Так, «йа-мбва» по нормам языка суахили представляет собой посессивную форму от слова «mbwa» (собака), т. е. означает «нечто, относящееся к собаке», «собачье» (например, ngozi ya mbwa — шкура собаки). «Йа-кибва» и «та-кибва» — также посессив от «kibwa» (собачка). Согласно суахилийской грамматике, эти посессивные форманты «йа-» и «та-» соотнесены с определенными классами имен существительных:

«та-» (ta-, cha-) относится к ед. ч. класса вещей (ki-, vi-), при этом ta- — форма некоторых северных диалектов;

«йа-» (ya-) может быть формантом ед. ч. класса животных (n-) или множественным посессивным формантом класса li-, ma-.

В связи с формой ta- можно заметить, что эти слова могли попасть в арабский текст, будучи записаны на языке суахили, где для раннего времени ta- и cha- изображаются одним знаком [6]²⁰.

Что касается арабских сообщений относительно существования у зинджей письменности, то прямых сведений об этом нет. Следует, однако, помнить, что арабские авторы с известным высокомерием относились к культуре народов, с которыми у них не было достаточно близких контактов. Естественно поэтому, что Ибн ан-Надим в конце X в. отрицает существование письменной культуры у многих африканских народов: «Что касается различных племен черных, таких, как нубийцы, ал-буджа, аз-загава, ал-маррава (мероэ), ал-истан, берберы и разного рода зинджи, не считая [жителей] ас-Синда, которые пишут по-индийски из-за соседства [с индийцами], то у них нет ни известной письменности, ни письменной литературы. Единственное, что ал-Джахиз упоминает в [своей книге] „Китаб ал-байан“ — это существование у зинджей своего рода самобытной риторики и красноречия на их собственном языке» [2, стр. 84 (83)]²¹.

С определенного времени арабские авторы различают группы или слои зинджей по степени культурного развития в соответствии со своими представлениями и в сравнении со своей культурой. Наиболее культурными считаются жители городов или по крайней мере часть их. Так, во второй половине XI в. Абу-л-Касим ал-Андалуси говорит следующее: «...Ими овладело легкомыслие, среди них распространились глупость и безрассудство, как у тех чернокожих, что живут в дальних [областях] стран ал-хабаша, нубийцев, зинджей и иных... всем им причастно то, что они не размышляют о мудрости и не услаждают свои души изучением философии, разве что [за исключением] какой-то группы их — горожан... Лишь некоторые из жителей пустыни и обитателей степей, подобных местам [где живут] ал-буджа, варвары гана и мусор зинджей и им подобные, отходят от этого человеческого порядка и превосходят этот привычный им склад ума» [2, стр. 194 (194)]. Ад-Димашки особо подчеркивает, что искусство риторики и красноречие присущи «северным зинджам» (الزنج الشماليون) [25, стр. 269], а последнее место отводится обитателям «дальних областей». По-видимому, когда

²⁰ Все другие «зинджские» слова, сообщаемые более поздними авторами, также находят соответствие в языках банту, например: «инпила» انبيلا — pera (единогор), «мквadžо» مكوجو — mkwajo (тамаринд), «ал-мканка» المقانقا — mganga (колдун, знахарь).

²¹ Правда, существование письменности у ал-хабаша и нубийцев отмечено еще в первой половине X в. Саидом ибн ал-Батриком [см.: 1, стр. 111 (110)].

речь идет о мусульманах, вопрос об отнесении их к какой-то из этих категорий отпадает сам собой. И действительно, в то время всякий принявший ислам непременно соприкасался с большим комплексом духовной культуры мусульманства.

Данные арабских источников, рассмотренные выше, позволяют определить термин «зиндж» как внешнее, обобщенное название представителей негроидных групп, населявших пространства Восточной Африки. С другой стороны, этот термин обозначал и место обитания этих народов (преимущественно территории, тяготеющие к побережью).

Каково бы ни было происхождение слова, его употребление в таком плане не могло исходить от самого населения Восточной Африки, которое тогда было разделено этническими и языковыми границами в значительно большей мере, чем во времена начала европейского исследования. Трудно предположить для того времени самую необходимость столь общего самоназвания.

Этот термин, как правило, не включал в себя обозначение восточно-африканского населения, говорящего на кушитских языках. Таким образом, страна зинджей, по арабским источникам, представляется довольно определенно: ее северная (устойчивая) граница проходила по р. Джуба, южная — область, называемая Софалой, — по мере ознакомления с побережьем постепенно передвигалась от Кильвы на юг.

Содержание исследованных текстов показывает, что термин «зиндж» противопоставляется:

как этноним — другим этнонимам (ан-нуба, ал-хабаша и т. д.);

как топоним — названиям других стран (الزنج — страна зинджей, الحشة — страна ал-хабаша и т. п.).

Можно отметить внутренние противопоставления:

мусульманин — язычник (первоначально слово «зиндж» автоматически должно было содержать значение «язычник», но с распространением среди зинджей ислама название за ними сохранилось);

горожанин — негорожанин (в зависимости от культурной развитости).

В целом очевидно, что это один из свойственных арабской географической науке этнонимов со специфической характеристикой, включающей не только антропологические, языковые, религиозные и культурные признаки, но и меняющееся от эпохи к эпохе их соотношение внутри термина. Хотя за этим словом закрепляется представление о человеке с черной кожей, эта сторона не является определяющей и термин не имеет расового антропологического содержания в том виде, как оно заключается в современном термине «негроид».

В заключение надо отметить, что в работу практически не вошли данные географических и навигационных вычислений, опирающиеся на астрономические знания средневековых арабов. Несмотря на безусловную принадлежность их результатов к географической науке, они составляют особую, самостоятельную область знаний, развитие которой шло путями, отличными от классической арабской географии. Если последняя все же в целом представляла собой в известной мере схоластическую науку и параллельно ей существовали и классическая арабская астрономия и астрология, то астрономия мореходная большую часть рассматриваемого исторического периода была наукой практической и в этом смысле — более конкретной и точной.

Несмотря на то что в работе не были рассмотрены более или менее полно данные мореходной астрономии арабов, отсутствие сведений такого рода не сказывается на характере сделанных выводов. Главным же результатом представляется обнаруженная многослойность исследованных терминов, а также та особенность их употребления, что поначалу они (как, например, термин «софала») оказываются отмечающими границу, за пределами которой лежат неизвестные или очень мало известные страны. Затем, по мере накопления знаний, они смещаются по направлению распространения связей, сохраняя за собой символ «границ известного», и наконец локализируются, утрачивая прежнюю способность обозначать не только определенную часть географического пространства, но и какую-то группу ее населения и даже основную характеристику его культурного уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Арабские источники VII—X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары», подготовка текстов и перев. Л. Е. Куббеля и В. В. Матвеева, М.—Л., 1960.
2. «Арабские источники X—XII веков по этнографии и истории южнее Сахары», подготовка текстов в пер. В. В. Матвеева и Л. Е. Куббеля, М.—Л., 1965.
3. [Бартольд В.], Худуд ал-'алем. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда, Л., 1930.
4. Матвеев В. В., О северных пределах распространения восточных банту (зинджей) в X в. по арабским источникам, М., 1960.
5. Мисюгин В. М., Заметки о названиях суахилийских городов в хронике Пате (статья находится в печати).
6. Мисюгин В. М., Заметки о старосуахилийской письменности (статья находится в печати).
7. Мисюгин В. М., Происхождение городов восточноафриканского побережья, — «Вестник ЛГУ», серия истории, языка и литературы, 1958, № 20, вып. 4.
8. Мисюгин В. М., Суахилийская хроника средневекового города Пате, — «Труды Института этнографии АН СССР», М.—Л., 1966, т. XС.
9. Страбон, География в семнадцати книгах, перев., статьи и комментарии Г. А. Стратановского, М., 1964.
10. Шумовский Т. А., Три неизвестные лощи Ахмада ибн Маджида, М.—Л., 1957.
11. Barros J. de, Asia. Decada secunda, Lib. I (t. III), Lisboa, 1752.
12. Dammann E., Beiträge aus arabischen Quellen zur Kenntniss des negerischen Africa, Bordersholm, 1929.
13. Dapper O., Description de l'Afrique, Amsterdam, 1686.
14. [Defrémery C., Sanguinetti B. R.], Voyages d'Ibn Batoutah, t. II, Paris, 1877.
15. Devic L.-M., Le pays des Zendjs, Paris, 1883.
16. Dozy R., Supplément aux dictionnaires arabes, t. I, Leyde, 1881.
17. [Ferrand G.], Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême-Orient du VII-e au XVIII-e siècles, traduits, revus et annotés par G. Ferrand, t. II, Paris, 1913.
18. Ferrand G., Sofala, — «Encyclopédie de l'Islam», t. IV, Leyde — Paris, 1927.
19. [Ferrand G.], Le tuhfat al-albab de Abu Hamid al-Andalusí al-Garnati, édité... par G. Ferrand, — «Journal Asiatique», Paris, 1925, t. CCVII.
20. Guillaïn, Documents sur l'histoire, la géographie et le commerce de l'Afrique Orientale, t. I, Paris, 1856.
21. Heepe, M., Suaheli-Chronik von Pate. Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen, 3. Abt., Bd XXXI, Berlin, 1928.
22. Hichens W., Habari Lamu, — «Bantu Studies», 1938, vol. XII, № 1.
23. [Kamāl Youssouf], Monumenta cartographica Africae et Aegypti, t. III, fasc. IV, Leyde, 1935; t. IV, fasc. I, Leyde, 1936.
24. [Löfgren O.], Descriptio Arabiae Meridionalis... Ibn al-Muğawir, vol. I, II, Leiden, 1951—1954.
25. [Mehren A. F.], Cosmographie de Chems-ed-Din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqi, St.-Pétersbourg, 1866.
26. [Miller K.], Mappae arabicae. Arabische Welt- und Landkarten herausgegeben von K. Miller, Bd II, H. III, Stuttgart, 1927.

27. [Nobbe C. F. A.], Claudii Ptolemaei Geographia, t. I, Lipsiae, 1843.
28. [Reinaud], Géographie d'Abou'l-Féda, texte arabe, Paris, 1840.
29. [Schefer Ch.], Sefer Nameh, Relation du voyage de Nassiri Khosrau en Syrie, en Palestine, en Égypte, en Arabie et en Perse, pendant les années de l'hégire 437—444 (1035—1042) publiée, traduite et annotée par Charles Schefer, Paris, 1881.
30. Störbeck F., Die Berichte der arabischen Geographen des Mittelalters über Ostafrika, Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen, 2. Abt., Jg XIV.
31. [Vloten G. van], Tria opuscula auctore Abu Othman Amr ibn Bahr al-Djahiz Basrensi, Lugduni Batavorum, 1903.
32. Werner A., Mombasa, — «Encyclopédie de l'Islam», t. III, 1932.
33. [Winstead F. O.], The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes, Cambridge, 1909.
34. [Wüstenfeld F.], Jacut's geographisches Wörterbuch, Bd I—IV, Leipzig, 1866—1873.
35. [Wüstenfeld F.], Zakarija ben Muhammed ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie, Zweiter Theil, (كتاب اثار البلاد) Die Denkmäler der Länder, Göttingen, 1848.
36. اخبار الزمان لابي الحسن علي بن الحسين السعودي. مصر، ١٩٣٨.
37. صورة الارض للشريف الادريسي المتوفى سنة ٥٦٠ هـ. بغداد، ١٣٨١/١٩٥١.
38. كتاب الحيران لابي عثمان عمرو بن بحر الجاحظ. القاهرة، ١٩٣٨—١٩٤٥.
39. Рукопись В 613 ЛО ИВ АН СССР. كتاب العجائب الكبير لابراهيم بن وصيف شاه المصري.
40. [Рим, 1592]. كتاب نزهة المشتاق في ذكر الامصار والاقطار والبلدان والجزر
41. لسان العرب للامام العلامة ابي الفضل جمال الدين محمد بن مكرم بن منظور الافريقي المصري. بيروت، ١٩٥٥.
42. [6.г.] نهاية العرب في فنون الادب. تاليف شهاب الد بن احمد بن عبد الوهاب النويري. مصر.